

УДК 327
<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.62>

Идея национальной сверхзадачи как основа внешнеполитического курса современных государственных акторов международных отношений

К. Е. Кожухова*

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Показывается, что в условиях современного миропорядка, характеризующегося взаимозависимостью всех международно-политических игроков, национальный внешнеполитический курс становится одним из ключевых факторов, определяющих положение страны на международной арене. Исследуется понимание того, что внешняя политика государства исходит из самоощущения места в иерархии системы международных отношений и укрепления или возвышения государственного влияния. Выявлена связь между пониманием позиции актора в мировой политической системе, реализацией национальных интересов и сохранением безопасной внешнеполитической среды, т. е. обеспечением национальной безопасности. Рассмотрена идея национальной сверхзадачи в качестве основы для формирования и реализации внешнеполитических стратегий современных государственных акторов. Выявляется, что любое государство обладает субъектностью в мировой политике и заинтересовано в продвижении своей властной риторики, а также в оптимальной реализации национальных интересов. Обосновывается, что державы, будь то великие, региональные или малые, выбирают определенную модель внешнеполитического поведения и миссию своей внешнеполитической позиции, что выражается в национальной сверхзадаче. Рассмотрены особенности национальной сверхзадачи во внешней политике Соединенных Штатов Америки, Китайской Народной Республики и Российской Федерации как наиболее ярких представителей государств разной этической и ценностной систем, обуславливающих миссию государства на международной арене.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, внешнеполитический менталитет, национальная идентичность, сверхзадача, миссия.

Для цитирования: Кожухова К. Е. Идея национальной сверхзадачи как основа внешнеполитического курса современных государственных акторов международных отношений // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 50. С. 62–72. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.62>

Original article

The Idea of a National Super-task as the Basis of the Foreign Policy Course of Modern State Actors in International Relations

К. Е. Kozhukhova*

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

Abstract. It is shown that in the conditions of the modern world order, characterized by the interdependence of all international political players, the national foreign policy course becomes one of the key factors determining the country's position in the international arena. It is understood that the foreign policy of the state proceeds from the self-perception of a place in the hierarchy of the system of international relations and the strengthening or elevation of state influence. The connection between understanding the position of an actor in the global political system and the realization of national interests and the preservation of a secure foreign policy environment, that is, ensuring national security, is revealed. The idea of a national super-task is considered as the basis for the formation and implementation of foreign policy strategies of modern state actors. It is revealed that any state, having a subject in world politics, is interested in promoting its power rhetoric and, as a result, in the optimal implementation of national interests. It is proved that the powers, whether great, regional or small, choose a certain model of foreign policy behavior and the mission of their foreign policy position, which is expressed in a national super-task. The features of the national super-task in the foreign policy of the United States of America, the People's Republic of China and the Russian Federation as the most prominent representatives of states of different ethical and value systems that determine the state's position in the international arena are considered.

Keywords: international relations, foreign policy, foreign policy mentality, national identity, super task, mission.

For citation: Kozhukhova K.E. The Idea of a National Super-task as the Basis of the Foreign Policy Course of Modern State Actors in International Relations. *The Bulletin of Irkutsk State UNIVERSITY. Series Political Science and Religion Studies*, 2024, vol. 50, pp. 62-72. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.50.62> (in Russian)

Предисловие: о состоянии исследований морально-этических установок в международных отношениях

В настоящее время в зарубежной и отечественной политической науке существует достаточное многообразие работ различных научных школ, касающихся изучения факторов детерминации действий государственных акторов на международной арене. В настоящее время ученые-теоретики придерживаются достаточно разных вариантов обоснования логики формирования и реализации национального внешнеполитического курса в мировой политике. При этом исследования строятся на основе парадигм классической реальной политики, неореализма [12] и неолиберализма [16], что доказывает эвристичность данного феномена и необходимость всестороннего научного осмысления.

Особой ветвью обоснования логики детерминации внешнеполитического курса государства являются так называемые исследования национального характера [13, р. 206]. В данном случае это понятие охватывает влияние субъективных факторов на внешнеполитический процесс, а именно воздействие национального менталитета (психология населения), истории, географии, культурных особенностей (традиции, обычаи, верования, установки, мифы, образы, особенности восприятия нации) на внешнюю политику государства [1]. В ходе авторского изучения данной проблемы выявлено, что политологическое сообщество данной теоретической ветви в целом придерживается ценностно-этического вектора детерминации внешнеполитического курса государства, так как именно эта синергетика рождает взаимодействие множества культурных параметров, которые определяют позиционирование и самовосприятие государства на международной арене. Кроме того, культурно-ценностно-этический компонент отражает и характер ведения внешней политики, ее стиль и технологии [4].

В частности, известный китайский исследователь теории международных отношений Янь Сюэтуан выступает за концепцию морального реализма, которая, к слову, отражает специфику «китайской мудрости» формирования внешнеполитического курса КНР. Данная теория объясняет устройство современного миропорядка через внешнеполитические действия государств, основанных на морально-этических устоях как «элементе стратегических предпочтений их руководства» [11, с. 27]. В качестве краеугольного камня морали ученый ставит этику, формирующую гуманизм (адекватный внешнеполитический курс для всех участников международных отношений), тиранию (внешнеполитическая стратегия, проводящаяся с учетом активности авторитарного лидера государства), гегемонию (агрессивная внешняя политика как борьба за выживание народа) или анемократизм (флюгерность) внешнеполитической стратегии государства на международной арене. Янь Сюэтуан подчеркивает, что внешняя политика любого государства основана на устойчивых ритуалах как этике социальных норм и обычаев. Интересно, что автор указывает на связь государственной морали, исходящей из культурных особенностей отдельно взятого государства, и способа защиты национальных интересов, что приводит к появлению справедливых (моральных) стран – лидеров международных отношений, руководящихся гуманистической парадигмой, так и агрессивных государственных акторов-гегемонов и тиранов. Как подчеркивает исследователь, внешнеполитическое настроение зачастую зависит от типа лидерства, которое также определяется национальными культурными предпочтениями.

Другой известный американский теоретик международных отношений Джек Снайдер еще в 1978 г. предложил теорию стратегической культуры, которая обосновывает то, как традиции, менталитет, обычаи нации в решении вопросов войны и мира формируют внешнеполитическое поведение государства и, что немаловажно, детерминирует вопрос применения или неприменения военной силы [17]. Данный феномен используется как детерминант национальной безопасности государств, в частности, в контексте применения ядерного оружия и обеспечения стратегической стабильности, что упоминает в своих трудах и российский академик А. Г. Арбатов [2]. В целом авторы, исследующие стратегическую культуру, настаивают на существовании двух видов подобной культуры, а именно оборонительной и наступательной, как резюмировал другой американский исследователь стратегической культуры А. Я. Джонстон [14; 15]. В общем смысле, как и вышеописанная государственная мораль Янь Сюэтуна, стратегическая культура также исходит от национальной политической элиты как ее носителя, однако исследователи данного феномена настаивают на важности не только культурных обстоятельств, но и уровня развитости стратегического мышления лиц, принимающих решения. Данный акцент необходим для элиминирования явления стратегической культуры как сугубо внешнеполитического компонента национального мышления [3].

В свою очередь крупный отечественный исследователь политической психологии Н. М. Ракитянский в работе «Ментальные исследования гло-

бальных политических миров» [7] обращается к категории политического менталитета как фактора влияния на внутри- и внешнеполитический курс государства. В центре данной категории становится принцип догмата, который определяется автором как «первичная система априорного знания об устройстве мироздания и смысле человеческого существования, являясь ядром менталитета, обуславливает и характер политической власти целой страны, особенности системы права, ее экономической уклад, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов и их политических элит, государств, каждого отдельного человека» [7, с. 115–116]. Автор упоминает три богословские системы, которые стали базой догматов политических менталитетов разных стран: ортодоксально-католическая, континентально-протестантская традиции и английский номинализм. Именно догма политического менталитета, как отмечает Н. М. Ракитянский, диктует основания ментализации политических элит, принимающих внутри- и внешнеполитические решения. Таким образом, религиозная составляющая, по мнению российского исследователя, определяет стратегические установки, в том числе и уровень субъектности страны на международной арене. Стоит отметить, что в настоящее время фактор религиозного влияния на политическое мышление интенсифицируется в работах ученых-политологов ввиду активизации деятельности мусульманских государств, руководствующихся исламским богословием [8; 10], и появления политического ислама [6].

Несмотря на высокую степень обоснованности трех вышеизложенных взглядов на концепцию ценностно-этической внешнеполитической ориентации государства, стоит выделить некоторое общее следствие, объединяющее данные теоретические измышления. Подчеркнем, что, по мнению автора, именно трансляция внешнеполитическим курсом определенной сверхзадачи государства, ее миссии на международной арене и отражает сущностное содержание морально-этического комплекса нации, на чем остановимся подробнее далее. Автор настаивает, что подобная сверхзадача государства на международно-политической арене есть отражение национальных представлений о собственной субъектности, ресурсном потенциале и необходимых международных интересах, которые подлежат реализации и сохранению.

Национальная сверхзадача как фундамент внешнеполитической стратегии государства

Концепция сверхзадачи нации еще не приобрела достаточного политологического осмысления, и в настоящее время понимание данного феномена находится, как ни странно, в поле исследования психологов и теоретиков театрального искусства. Отметим, что классически сверхзадача, по К. С. Станиславскому, трактуется как стремление сообщить людям нечто чрезвычайно важное о них, об их месте и назначении в окружающем мире, о правде и справедливости, о добре и зле [9] и применяется в актерской игре. Тем не менее текущий научный тренд на междисциплинарность позволяет воспользоваться данным термином и в рамках политической науки.

В этой связи при переносе роли личностной сверхзадачи на национальный масштаб выходит, что идея национальной сверхзадачи подразумевает наличие у государства четко сформулированной цели или миссии, которая определяет его текущую роль, место и действия в системе международных отношений. Как показывает проведенный анализ, сверхзадача является неким емким постулатом, как, например, в заявлении В. В. Путина в 2018 г. в Гостинном дворе: «Сверхзадача всего народа России заключается в том, чтобы понять, в каком состоянии находится государство, экономическая, политическая, социальная сферы, понять, какое место мы занимаем в мире»¹. Таким образом, эта цель или же миссия государства в мире может быть связана с обеспечением безопасности, развитием экономики, защитой прав человека, сохранением культурного наследия и другими аспектами.

Исходя из вышеописанной ценностно-этической парадигмы исследования международных отношений, необходимо подчеркнуть, что в целом национальное целеполагание имеет явное культурно-историческое основание. Так, например, данную проблематику описывает известный американский политолог Джозеф Най, приводя цитату политического философа Майкла Уолцера: «В истории человечества нет таких моментов, которые не регулировались бы моральными нормами»². При этом Най, исследуя американскую внешнюю политику, настаивает на большой роли приемлемости этики для других акторов международных отношений. Комментируя исключительность и морализм во внешней политике США, ученый отмечает, что эффективность американского внешнеполитического курса хоть и имеет решающее значение и «предполагает достижение национальных целей, но этические последствия также должны быть благоприятными не только для американцев, но и для других людей»³. Под этим Най подразумевает претворение в жизнь определенного типа стратегического мышления, который для одних наций является приемлемым и исторически понятным, для других же – чуждым и враждебным.

Если проводить теоретическое обоснование понятия национальной сверхзадачи, то можно заключить, что национальная сверхзадача есть концептуальная суть ценностных установок внешней политики государства, которая заключается в декларации направленности внешнеполитического курса, исходя из актуальных национальных интересов, понимания международной картины мира и позиции страны в ней. Идейной основой национальной сверхзадачи закономерно является обеспечение безопасности и процветания страны, и ядром этих понятий становятся те приоритеты, которые обусловлены национальным характером и мышлением, что и детерминирует их различие от государства к государству. При этом подобная сверхзадача предполагает свое достижение через силовые и несиловые методы внешней политики, закономерность применения которых определена национальным внешнеполитическим поведением, основанным на паттернах исторической практики, традициях, морали и этике конкретной нации.

¹ Латухина К. Путин назвал сверхзадачу России // Российская газета. 30 янв. 2018. URL: <https://rg.ru/2018/01/30/putin-nazval-sverhzadachu-rossii.html> (дата обращения: 10.10.2024).

² Nye Jr. Joseph S. What Is a Moral Foreign Policy? // Texas National Security Review. 2019. URL: <https://tnsr.org/2019/11/what-is-a-moral-foreign-policy/> (дата обращения: 10.10.2024).

³ Там же.

Немаловажно сделать акцент и на том, что национальная сверхзадача предполагает долгосрочность реализации, определенный конечный результат и несет геополитический характер, который достигается многовекторным решением более мелких стратегических целей и задач на международно-политическом поле. Политический феномен национальной сверхзадачи является уникальным явлением, так как при своей смежности с вышеупомянутыми понятиями «стратегические цели», «стратегические интересы», а также «национальные цели»⁴ все же подлежит отдельному рассмотрению как более глобальный внешнеполитический конструкт.

Данный феномен граничит и с другим политическим понятием – мессианством, т. е. идеей того, что только одно конкретное государство может повести за собой весь мир и стать народом-богоносцем⁵. Однако сверхзадача государства более диверсифицирована и не всегда сосредоточена на богоизбранности нации в конструировании мирового порядка, сверхзадача определяется более широким явлением политической жизни.

Небезынтересно, что национальная сверхзадача является важным элементом внешнеполитической идентичности государства и служит основой для формирования его внешнеполитического имиджа [5] и курса внешней политики в целом. Исследование данного феномена подводит к выводу, что основные характеристики национальной сверхзадачи включают в себя:

1. Конкретность и измеримость: цель должна быть четко сформулирована и иметь количественные или качественные показатели для оценки прогресса. Например, Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 г. декларирует, что Россия «выступает в качестве одного из суверенных центров мирового развития и выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы, обеспечению условий для мирного, поступательного развития человечества на основе объединительной и конструктивной повестки дня»⁶. В данном случае сверхзадача имеет качественный показатель – поддержание баланса сил и строительство многополярного мира, что дает понимание имиджа Российской Федерации как устоявшегося исторически мирового посредника глобальной безопасности и развития. В качестве примера реализации внешнеполитического курса можно привести специальную военную операцию на Украине как оборонительную стратегию России против НАТО. Как объявил в своей речи 24 февраля 2022 г. Президент России В. В. Путин, «дальнейшее расширение инфраструктуры Североатлантического альянса, начавшееся военное освоение территорий Украины для нас неприемлемы»⁷, что определило последующие действия нашей страны.

⁴ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Президент России. 4.05.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 22.10.2024).

⁵ Kim Yong-Bok. Messianic Politics: Toward a New Political Paradigm // Religion online. 2024. URL: <https://www.religion-online.org/article/messianic-politics-toward-a-new-political-paradigm/> (дата обращения: 10.10.2024).

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 10.10.2024).

⁷ Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. 24.02.2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 10.10.2024).

2. Соответствие национальным интересам: цель должна соответствовать потребностям и приоритетам государства, а также способствовать его развитию и процветанию. Анализируя Белую книгу «Международное сотрудничество Китая в целях развития в новую эпоху» 2021 г., можно выявить следующую конкретную сверхзадачу Китайской Народной Республики: «Масштабы международного сотрудничества Китая в целях развития неуклонно растут, и все больше внимания уделяется наименее развитым странам Азии и Африки, а также развивающимся странам, участвующим в инициативе “Один пояс, один путь”»⁸. Стоит напомнить, что инициатива «Один пояс, один путь», провозглашенная в 2013 г., была запущена в целях упрочнения экономического влияния КНР и, как отмечается в документе, «построения сообщества с единой судьбой человечества и совместное строительство “Пояса и пути”... правильный взгляд на справедливость и интересы», где под «правильным взглядом» понимается «китайская мудрость и китайская сила для решения проблем глобального развития». Вполне закономерно, что Китай как великая держава в достаточно безапелляционном порядке декларирует свою значимость и лидерскую позицию в современной системе международных отношений и заявляет о необходимости своего устойчивого развития и реализации национальных интересов.

3. Реалистичность и достижимость: цель не должна быть утопической или невыполнимой, она должна учитывать существующие ресурсы, возможности и ограничения. Обращаясь к Стратегии национальной безопасности администрации Байдена – Харрис Соединенных Штатов Америки, вышедшей 12 октября 2022 г., сверхзадачей США объявлен следующий постулат: «Соединенные Штаты будут продвигать наши жизненно важные интересы и стремиться к свободному, открытому, процветающему и безопасному миру»⁹. Далее по тексту декларируются реально существующие ресурсы обеспечения американской национальной безопасности: «Наши альянсы и партнерства по всему миру являются нашим важнейшим стратегическим активом, который мы будем углублять и модернизировать на благо нашей национальной безопасности», «Мощные вооруженные силы США помогают продвигать и защищать жизненно важные национальные интересы США, поддерживая дипломатию, противостоя агрессии, сдерживая конфликты, проецируя силу и защищая американский народ и его экономические интересы» и др. Важность военной силы Соединенных Штатов регулярно декларируется американскими экспертами в качестве оптимальных инструментов для достижения политических целей¹⁰.

⁸ 《新时代的中国国际发展合作》白皮书 [Белая книга «Международное сотрудничество Китая в целях развития в новую эпоху»] // Госсовет КНР. 10 янв. 2021. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2021-01/10/content_5578617.htm (дата обращения: 10.10.2024).

⁹ FACT SHEET: The Biden-Harris Administration's National Security Strategy // White house. 12 October. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/> (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁰ Tyson A. Americans are split on the principle of pre-emptive military force // Pew Research Center. 28.11.2017. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/11/28/americans-are-split-on-the-principle-of-pre-emptive-military-force/> (дата обращения: 10.10.2024).

Вышеприведенный анализ позволяет сделать вывод, что национальная сверхзадача обозначает долгосрочную цель, курс или миссию, которую государство стремится достичь на международной арене. Она может быть выражена в виде концепции, стратегии, программы действий или в любом другом внешнеполитическом доктринальном документе, который с методологической точки зрения может быть осмыслен с помощью качественного контент- или дискурс-анализа для выявления сущности и содержания текущей национальной сверхзадачи.

При этом национальная сверхзадача позволяет определить приоритеты и направления деятельности на международной арене, а также обеспечить согласованность и последовательность действий лиц, принимающих решения, ведомств, международных институтов. В целом сущность сверхзадачи государства можно разделить на три основные категории, отражающие специфичность национальных приоритетов и интересов на современном этапе:

1. Обеспечение безопасности и стабильности: защита от внешних угроз, участие в международных организациях и соглашениях. В частности, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. происходит четкая декларация подобных постулатов: «Только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России. Для этого необходимы согласованные действия по реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, направленные на нейтрализацию внешних и внутренних угроз и создание условий для достижения национальных целей развития»¹¹. Подобная артикуляция безопасности закономерна для российского внешнеполитического менталитета ввиду исторически обусловленной значимости и территории России, и ее участия в международно-политической архитектуре. Как показывает генезис системы международных отношений, без участия нашей страны не обходится практически ни одна мировая тектоника. При этом множественное участие России в международных объединениях (начиная с Совета Безопасности ООН и заканчивая ОДКБ) говорит об апелляции России к существующим международно-правовым нормам и уважению к законности мировой политической системы.

2. Развитие экономических связей: сотрудничество в области торговли, инвестиций, технологий и других сферах. Обращает на себя внимание акцент международной деятельности Китайской Народной Республики на сферах экономики и торговли. По случаю 75-летия страны 30 сентября 2024 г. Си Цзиньпин выступил к речью, в которой содержится немаловажный постулат: «Мы всегда будем придерживаться внешнеполитической цели защиты мира во всем мире и содействия общему развитию, продвигать общие ценности всего человечества, выступать за равную и упорядоченную многополярность мира и инклюзивную экономическую глобализацию, а также способствовать реализации глобальных инициатив развития, глобальной инициативы в области

¹¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/cb0c5bc1eaf4bd94d8e78f233af494e8e9dcde2b/ (дата обращения: 10.10.2024).

безопасности»¹². Интересно, как приоритетно выставлены в параллель многополярность и экономическая глобализация, т. е. созависимость государств как содействие общему развитию. Тем самым Китай заявляет о необходимости поддержания своего собственного потенциала, но и не умаляет значимость повсеместного благополучия, в том числе как гаранта собственного успеха.

3. Защита прав человека и демократических ценностей: поддержка демократии, прав человека, свободы. Любое упоминание демократических устоев приводит к оплоту современной демократии – Соединенным Штатам Америки. Демократия как важнейший структурный элемент американского общества проходит красной нитью не только в доктринальных документах, но даже в выступлениях в ходе предвыборной кампании. Так, президент США Джозеф Байден утверждает, что «мы (американцы. – Прим. К. К.) находимся на переломном этапе мировой истории, это действительно так. Решения, которые мы примем за следующие три-четыре года, будут определять, как будут выглядеть следующие шесть десятилетий. И демократия – это ключ к успеху»¹³.

Возвращаясь к обсуждению идеи национальной сверхзадачи отметим, что данная идея не должна превращаться в идеологическую догму, препятствующую адаптации к изменяющимся условиям и сотрудничеству с другими государствами. Важно найти баланс между сохранением собственной идентичности и готовностью к диалогу и компромиссам. Тем не менее лабильность сверхзадачи будет означать нестабильность национальных предпочтений, описанную китайским исследователем международных отношений Янь Сюэтуном флюгерность, «мимикрию» государства и, как следствие, утрату государственного «я» и субъектности. В этой связи напрашивается вывод о том, что в целом вектор национальной сверхзадачи остается фиксированным и подвержен изменениям только в случае политической катастрофы, как произошло в случае Германии после Второй мировой войны.

В качестве послесловия

В заключение стоит отметить, что национальная сверхзадача, помимо формирования государственного внешнеполитического курса, также оказывает влияние и на конструирование мирового порядка. Данное обстоятельство закономерно вытекает из трансляции государством морали и норм, в контексте которых оно проводит свой внешнеполитический курс и с которыми так или иначе необходимо сосуществовать другим странам. Очевидно, что наиболее влиятельными государствами в этом плане становятся великие державы – Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки и Китайская Народная Республика. Именно взаимопроникновение и пересечение сверхзадач создает ту или иную международную конъюнктуру, образующую текущий баланс международных отношений.

¹² 习近平：在庆祝中华人民共和国成立75周年招待会上的讲话 [Си Цзиньпин: Речь на приеме по случаю празднования 75-й годовщины основания Китайской Народной Республики] // Госсовет КНР. 30.09.2024. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202409/content_6977858.htm (дата обращения: 10.10.2024).

¹³ Costa R. President Biden speaks on the stakes of the 2024 election, and on his place in history // CBS news. 2024. 12 August. URL: <https://www.cbsnews.com/news/president-biden-speaks-on-stakes-of-2024-election-protecting-democracy-and-his-place-in-history/> (дата обращения: 10.10.2024).

Список литературы

1. Анисимова Н. Н. Национальный характер в структуре идентичности // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 3. С. 125–132. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.3.12>
2. Арбатов А. Г. Стратегическая стабильность – оружие и дипломатия. М. : Весь Мир, 2021. 432 с.
3. Белозеров В. К. Методы анализа стратегических культур // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15, № 5. С. 29-49.
4. Белозеров В. К. Этнические стереотипы и политическая идентичность в творчестве К. Клаузевица: опыт ретроспективной реконструкции // Вестник Российской нации. 2020. № 3(73). С. 99–109.
5. Мальшико Ю. А. Типология национальных брендов // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 9(134). С. 87–93. <https://doi.org/10.24158/per.2024.9.10>.
6. Мамчуева Ф. Ю. Идеология политического ислама // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 2. С. 360-363.
7. Рахитянский Н. М. Ментальные исследования глобальных политических миров. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2020. 463 с.
8. Румянцев Е. И. Религиозный фактор в международных отношениях на Ближнем Востоке // Неделя науки СПбПУ : материалы науч. конф. с международ. участием. Санкт-Петербург, 19–24 нояб. 2018 г. СПб. : С.-Петерб. политехн. ун-т Петра Великого, 2019. Ч. 1. С. 342–345.
9. Симонов П. В. «Сверхзадача» художника в свете психологии и нейрофизиологии // Психология процессов художественного творчества. Л. : Наука, 1980. С. 32-44.
10. Чикризова О. С., Лашихия Ю. В. Религиозный фактор в мировой политике и международных отношениях // Россия и мусульманский мир. 2022. № 1 (323). С. 109–120.
11. Янь Сюэтуан. Лидерство и возвышение великих держав. М. : Магистр, 2022. 302 с.
12. Ferguson P. Realpolitik in the Anthropocene: Resilience, Neoclassical Realism, and the Paris Agreement // Global Environmental Politics. 2024. Vol. 24, N 2. P. 1–8. https://doi.org/10.1162/glep_a_00733
13. Geertz C. A Study of National Character // Economic Development and Cultural Change. 1964. Vol. 12, N 2. P. 205–09.
14. Johnston A. I. Cultural Realism, Strategic Culture, and Grand Strategy in Chinese History. Princeton n: Princeton University Press, 1998. 305 p.
15. Johnston A. I. Thinking about Strategic Culture // International Security, 1995. Vol. 19, N 4. P. 32–64.
16. Palley T. I. Neoliberalism and the Drift to Proto-Fascism: Political and Economic Causes of the Crisis of Liberal Democracy // Journal of Economic Issues. 2024. Vol. 58, N 3. P. 732–755. <https://doi.org/10.1080/00213624.2024.2381414>
17. Snyder J. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operation. Santa Monica, CA, RAND Corporation, 1977, 48 p.

References

1. Anisimova N.N. Nacionalnyj harakter v strukture identichnosti [National character in the structure of identity]. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanitaries of the south of Russia], 2019, vol. 8, no. 3, pp. 125-132. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.3.12> (in Russian)
2. Arbatov A.G. *Strategicheskaya stabilnost – oruzhie i diplomatiya* [Strategic stability – weapons and diplomacy]. Moscow, The whole world Publ., 2021, 432 p. (in Russian)
3. Belozеров V.K. Metody analiza strategicheskikh kultur [Methods of analisis of strategic cultures]. *Kontury globalnyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [The contours of global transformations: politics, economics, law], 2022, vol. 15, no. 5, p. 29-49. (in Russian)
4. Belozеров V.K. Etnicheskie stereotipy i politicheskaya identichnost' v tvorchestve K. Klauzevica: opyt retrospektivnoj rekonstrukcii [Ethnic stereotypes and political identity in the work of K. Clausewitz: the experience of retrospective reconstruction]. *Vestnik Rossijskoj nacii* [Bulletin of Russian nation], 2020, no. 3(73), p. 99-109. (in Russian)

5. Malyshko Yu.A. Tipologiya nacional'nyh brendov [Typology of national brands]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo* [Society: politics, economics, law], 2024, no. 9(134), pp. 87-93. <https://doi.org/10.24158/pep.2024.9.10>. (in Russian)
6. Mamchueva F.YU. Ideologiya politicheskogo islama [Ideology of political Islam]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University], 2012, no. 2, pp. 360-363. (in Russian)
7. Rakityanskij N.M. *Mentalnye issledovaniya globalnyh politicheskikh mirov* [Mental studies of global political worlds]. Moscow, Moscow State University Publ., 2020, 463 p. (in Russian)
8. Rumyansev E.I. Religioznyj faktor v mezhdunarodnyh otnosheniyah na Blizhnem Vostoke [The religious factor in international relations in the Middle East]. *Nedelya nauki SPbPU* [SPbPU Science Week]. Proceedings of a scientific conference with international participation, St. Petersburg, November 19-24, 2018. Vol. 1. St. Petersburg, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Publ., 2019, pp. 342-345. (in Russian)
9. Simonov P.V. "Sverhzadacha" hudozhnika v svete psikhologii i nejrofiziologii [The "super task" of the artist in the light of psychology and neurophysiology]. *Psikhologiya processov hudozhestvennogo tvorchestva* [Psychology of artistic creation processes]. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 32-44. (in Russian)
10. Chikrizova O.S., Lashkhiya Yu.V. Religioznyj faktor v mirovoj politike i mezhdunarodnyh otnosheniyah [Religional factor in the world politics and international relations]. *Rossiya i musul'manskij mir* [Russia and Muslim world], 2022, no. 1 (323), pp. 109-120. (in Russian)
11. Yan' Syuetun. *Liderstvo i vozvyshenie velikih derzhav* [The leadership and rise of the great Powers]. Moscow, Magistr Publ., 2022, 302 p. (in Russian)
12. Ferguson P. Realpolitik in the Anthropocene: Resilience, Neoclassical Realism, and the Paris Agreement. *Global Environmental Politics*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 1-8. https://doi.org/10.1162/glep_a_00733
13. Geertz C. A Study of National Character. *Economic Development and Cultural Change*, 1964, vol. 12, no. 2, pp. 205-209.
14. Johnston A.I. *Cultural Realism, Strategic Culture, and Grand Strategy in Chinese History*. Princeton, Princeton University Press, 1998, 305 p.
15. Johnston A.I. Thinking about Strategic Culture. *International Security*, 1995, vol. 19, no. 4, pp. 32-64.
16. Palley T.I. Neoliberalism and the Drift to Proto-Fascism: Political and Economic Causes of the Crisis of Liberal Democracy. *Journal of Economic Issues*, 2024, vol. 58, no. 3, pp. 732-755. <https://doi.org/10.1080/00213624.2024.2381414>
17. Snyder J. *The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operation*. Santa Monica, CA, RAND Corporation, 1977, 48 p.

Сведения об авторе

Кожухова Кира Евгеньевна
 кандидат политических наук, доцент,
 кафедра политологии Институт
 международных отношений
 и социально-политических наук
 Московский государственный
 лингвистический университет
 Российская Федерация, 119034, г. Москва,
 Остоженка, 38
 e-mail: kira.kozhuhova@mail.ru
 ORCID 0000-0002-1725-3042

Information about author

Kozhukhova Kira Evgenyevna
 Candidate of Sciences (Political Science),
 Associate Professor, Department of Political
 Science, Institute of International Relations and
 Socio-Political Sciences
 Moscow State Linguistic University
 38, Ostozhenka, Moscow, 119034,
 Russian Federation
 e-mail: kira.kozhuhova@mail.ru
 ORCID 0000-0002-1725-3042

Статья поступила в редакцию **11.10.2024**; одобрена после рецензирования **25.10.2024**; принята к публикации **26.11.2024**
 The article was submitted **October, 11, 2024**; approved after reviewing **October, 25, 2024**; accepted for publication **November, 26, 2024**